

ПРОЛОГ

Роскошная гостиная. Интерьер смещен. У входа – пылесос. Некогда присмотренная дама, АУРА, ныне запущенная, мужеподобная с виду и потерянная по сути, включает и выключает телевизор, прикуривает и гасит сигарету, наливает и отставляет рюмку. Несколько раз набирает номер телефона.

АУРА *(в трубку)*. Але? Я прошу прощения. Мне, кажется, дали не тот номер... Извините. *(Опускает трубку. Листает телефонную книгу. Снова набирает номер.)* Я прошу прощения. Мне. Кажется. Дали. Не тот номер. *(Пауза.)* Николай? Кутепа?.. За двадцать девять лет голос не изменился – хорошо живется смерду! Двадцать девять лет три месяца и девять дней... Память профессиональная. Я вернулась... восемнадцать лет назад. Не забыла, вот звоню. Много всего было. Очень хорошего, что на поверку оказалось очень плохим... Помехи? Я коротко. Я – вдова. Год назад мой генерал... Год безвылазно просидела взаперти, с моим-то темпераментом! Заметь телефончик. Двести двадцать семь-ноль-три-ноль-шесть. Звони, приходи. Тебе удобно завтра? К двадцати? Нет, нет, к двадцати. Жду.

(Со всей возможной уверенностью кладет трубку. Опрокидывает рюмку. Ходит по комнате, цепляется за пылесос.)

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Тот же смещенный интерьер. Пылесос у двери. Припугнутая АУРА в богатом, неуклюже на-

брошенном наряде дежурит у дверного глазка. Шаги. Она распахивает дверь и тут же запирает на два замка. Отступает, цепляясь за пылесос. Входит КУТЕПА и тоже цепляется за пылесос.

КУТЕПА – пенсионер заурядного вида, на плечах – тщательно пригнанные недоноски, стрижка домашняя, взгляд настороженный. Башмаки оставляет у порога.

АУРА. Кока! Что ты копошишься? Покажись.

КУТЕПА. Знаете, вышколен. И в таких палатах – впервые! Здравствуйте!

АУРА. А я как-то и не поздоровалась. Не к месту. Я вроде и не расставалась с тобой все эти тридцать три...

КУТЕПА. Было. Было и у меня такое ощущение. Уехали, все казалось, что понарошку. Все боялся звонка, хе-хе...

АУРА. Шутником стал?

КУТЕПА. На пенсии можно и пошутить.

АУРА. Хорошее правило было у моего благоверного – нужных людей еще на пороге привечать рюмашкой. Примешь?

КУТЕПА. Позвольте осмотреться.

АУРА (*с плохо припрятанной бравадой тычет пальцем во все двери*). Кабинет его превосходительства. Бывший. Пустует. Детская. Бывшая. Пустует. Спальня. В простое. Кухня в запустении. Не для кого стараться. Дальше там ванные, чулан. Есть еще что-то вроде запасника: свернутые ковры, пишущая машинка. «Ремингтон» в упаковке, «Панасоник» с магом в придачу... Компьютер, принтер, мобилки...

КУТЕПА. Остановитесь, а то валерьяны попрошу, хе-хе...

АУРА. Можно подумать, все это тебе в диковинку!

КУТЕПА. Отчего же! По телеку видел, в кинопродукции из-за бугра. Сам пишу от руки, а смотрю «Весну», черно-белую, ровесницу нашей разлуки. Что касается магнитофонов, то самый японский я сбросил бы с девятого этажа. В печенку въелись из соседних окон, хе-хе...

АУРА. У-у, характер. Я всегда любила в тебе мужчину. Мужчина! Прошу к столу. Я не успела приготовить, но выпить – на выбор.

КУТЕПА. Заняты по-прежнему?

АУРА. Занята одним: все спешу, спешу. Только то и делаю, что спешу. *(Со странным смешком.)* Наладилась пыль собрать – едва успела пылесос выставить, принялась стряпать – закопалась с конфорками, платье – и то набросила кое-как. *(Тут же хватается за все разом: за нож и рюмку, за стул и набор фотографий.)* Смотри – хороша была? Я не сильно изменилась? Вот сделаю омоложение... Выпьем, чего там! *(Наливает – горлышко дребезжит о рюмку.)* Ой, неуклюжая!

КУТЕПА. Позвольте я. *(У КУТЕПЫ тоже все дребезжит.)* Это такие теперь горлышка у бутылок – дребезжат.

АУРА. Просто не верится, что ты и – снова рядом. За встречу!

КУТЕПА. Вас когда-то звали Аурикой. По-молдавски. *(Поднимает рюмку.)* Будем людьми, как говорят молдаване!

АУРА. Хоп-хоп! *(Дружно выпивают.)* Ты так поздно появился на моем горизонте!

КУТЕПА. Мы знакомы тридцать три года.

АУРА. Ты тогда уже, тридцать три года назад, на моем горизонте появился поздно.

КУТЕПА. Виноват.

АУРА. У меня был муж, молодой полковник...

КУТЕПА. Потом – генерал, из самых секретных, из тех, что ходят в штатском, а документы хранят в столичных сейфах.

АУРА. Ты догадывался?

КУТЕПА. Не трудно было. По вашему шарму, по уверенной манере...

АУРА. Ладно. Дело разумею, но пей! *(Наливает проливая.)* Это встреча так разволновала. Ты не подумай чего-то там.

КУТЕПА. Я и не думаю.

АУРА *(загораясь)*. Да, по обстоятельствам пришлось и перебраться, и перекурить. Но не до такой же степени!

КУТЕПА. Ради Бога!

АУРА *(заметно озлясь)*. И если задребезжит телефон, не бери трубку.

КУТЕПА. В чужой квартире? Не в моих правилах.

АУРА. А ты все равно не бери!

КУТЕПА. Не возьму.

(Она пьет, он – тоже.)

АУРА. Меня все потихоньку обирают. Подружка напрашивается с милым «на хату». Пьют, едят мое, простыни перемарывают и даже забывают ключ возвращать. Одалживают соседи. У меня есть из чего, но ведь несправедливо – не возвращают. В Лиманах мой дом арендовали казаки, в кредит. Устроили паланку – не платят. Хотя бы воевали, с турками там, с поляками. А то грызутся между собой. Одну традицию только и соблюдают – пьют. За мой счет. Их кошевой атаман сватается ко мне. Я знаю зачем – прописаться в городе. Потом пропишет весь кош. Кость Гордиенко! Отаман Сирко! *(Снова*

с угрожающей миной.) И в двери если запоет звонок – не открывай.

КУТЕПА. Аура Юрьевна, я воспитанный человек.

АУРА. Вот и славненько. И не открывай!

КУТЕПА. Не встану с места.

АУРА. Не вставай. И не шуми.

КУТЕПА. Нет, нет...

АУРА. Не теперь. Когда придут, не шуми.

КУТЕПА. Уверяю вас, ориентируюсь.

АУРА. Беспокоятся обо мне.

КУТЕПА. Не мое дело, я гость...

АУРА. Сестричку присылают, знахаря. Иглоукальвание... Догадываешься?

КУТЕПА. Я сторонюсь и казенной медицины, и народной...

АУРА. Из убеждений?

КУТЕПА. Платить нечем.

АУРА. И говоришь такое с улыбкой!

КУТЕПА. Привычка к лишениям.

АУРА. Помню твой софизм. Если кровного рысака посадить на мякину...

КУТЕПА. Он сдохнет.

АУРА. А кляча?

КУТЕПА. Живет! И воз тянет.

АУРА. Но стоит ли жить на мякине?!

КУТЕПА. Живут. Это вы, женщина, лишенная всяких лишений, без пориджа и эфиопского кофе призов не берете.

АУРА. На старт не выходим.

(КУТЕПА берет рюмку, АУРА – тоже.)

КУТЕПА. Помню вас молодой, неправдоподобно, не-реально красивой!

АУРА. Ты помнишь нашу первую встречу?

КУТЕПА. При первой я был огорошен, отключился. Вы убеждали, я соглашался, вы водили по кабинетам, я ходил, вы пододвигали бумаги, я подписывал, как в бреду.

АУРА. Преувеличиваете, сударь!

КУТЕПА. Вторую... смутно воспринимал. Потом прокручивал в памяти десятки раз – что происходит, где я? – и затвердил навсегда.

АУРА. А-а, на явочной квартире, у отставной активистки...

КУТЕПА. Синяя полутьма. Диван, стол, стопка белой бумаги...

(Меняется освещение. Диван, стол, стопка белой бумаги.

АУРИКА хороша, раскованна, профессиональна. КОЛЯ в двойном плену: очарован женщиной и смят реальными и мнимыми страхами.)

АУРИКА *(покуривая, наставляет)*. Отступите сверху сантиметров на шесть и слева – на пять. Форма такова: «Источник сообщает, что...» Тут для широты дела вставляется: «выполняя задание такого-то...» В нашем случае тоже в мужском роде. И далее: «... источник встретился с тем-то...» или «...побывал там-то». Далее коротко увиденное и услышанное. Доступно?

КОЛЯ. Вопрос можно?

АУРИКА. Сколько угодно. И не держитесь, как на докладе у самого. Здесь атмосфера открытости и полной взаимности.

КОЛЯ. Сразу не привыкнешь к вашим...

АУРИКА. Не «к вашим», а «к нашим». Ты – наш!

КОЛЯ *(осмысливая)*. Я – ваш...

АУРИКА. Мы с тобой – одно. Одно важное и нужное учреждение, разумеется, скромное, без огласки и рекламы. О чем подписано обязательство.

КОЛЯ. Подписано...

АУРИКА. Что за вопрос?

КОЛЯ. Комментарии, мнения?

АУРИКА. Комментировать и высказывать мнения будут вышестоящие. Наша задача – факты.

КОЛЯ. Упрощается, думать не надо.

АУРИКА. Ценю юмор, но в малых дозах.

КОЛЯ. Больше не буду.

АУРИКА. В конце изложения следует дата и подпись. Дата придет в нужный день, а вот подпись... Нам нужен псевдоним.

КОЛЯ. Не думал, что в моей жизни понадобится псевдоним. Начинаю уважать себя.

АУРИКА. Кутепа... Кутепа... Николай Кутепа... Кока... В институте ты специализируешься?..

КОЛЯ. Пока психология. Психиатрия.

АУРИКА. Актеры берут псевдонимы – фамилии крупных деятелей театра, рабочие – революционеров, учителя – Ушинских, Макаренков... Ты будущий психиатр. Кто там замечен на вашем небосклоне?

КОЛЯ. Месмер, Фрейд, Павлов, Выготский...

АУРИКА. Вот и выбери благозвучную фамилию.

КОЛЯ. Не кощунство ли?..

АУРИКА. А что ты предлагаешь?

КОЛЯ. Логичней – из терминов. Кретин – связано с античным миром, Шизик – широко распространено теперь...

АУРИКА. Сложненько. Давай имя великого.

КОЛЯ. Пусть будет Шарко, он лечил королей.

АУРИКА. Это – душ Шарко? Наш и – лечил королей?

КОЛЯ. Француз. Прошлый век.

АУРИКА. Ладненько. Пусть будет француз.
КОЛЯ. Француз Шарко – только бы не засветиться.

*(Гостиная АУРЫ. Хозяйка и гость допивают коньяк.
Она сладко вздыхает.)*

АУРА. Обычно я презирала своих подопечных. Вербуются, как правило, замаранные, схваченные на аморалке, стяжательстве, служебных нарушениях. С виду приплюснутые, со страхом перед небом в клетку. Ты первый, кого я не брезгала. Попал, как под транспорт. Пошел за женщиной. И рыло не было в пушку, и мозги вроде бы на месте. Любовь?

КУТЕПА. Хе-хе... Не только. Не видел смысла артачиться. Если ваша контора уж раскинула сети, ни в какой тине не отсидишься. Сессии завалишь, мамаша потеряет место, а она едва сидела на нем. Испачкаете, унизите, отворотите друзей, отнимете кусок хлеба. Да все так, что и виноватого не сыщешь, кроме самого себя. Гордого изувечите, тактичного обхамите тактом же... И все равно принудите капать на ближнего. Если все такое предвидишь, стоит ли кувыркаться?..

АУРА. Ты тогда уже не ходил в дураках.

КУТЕПА. Житейская мудрость. С детства играли в доносы. Если к сказанному прибавить, что меня сильно интересовала ваша психология.

АУРА. Да?

КУТЕПА. Как это ни странно! Огромная машина отбирает из гнилого общества малых здоровых, перспективных молодых людей для того, чтобы это общество удержать на плаву. А посудина дает течь, теряет остойчивость, тонет...

АУРА. Робкое оправдание задним числом. Вел тебя худший из пороков – трусость. Я теперь почитываю Библию.

КУТЕПА. И это правда. И многое другое. Я великий путаник. Патентованное белое мне виделось черным, созидание – разрушением, мудрец – глупцом. На одно лицо мне казались и мундиры голубые, и послушный им народ. Я искал нишу, куда бы спрятаться. И тут явилась молодая богиня.

АУРА. И ты очертя голову в омут?

КУТЕПА. Была игра... Перед каждым шагом я старался угадать, что от меня хотят. Притормозить? Спуститься на помочах. Очертя голову? Рад стараться! Была поэзия.

На юру мы нашли свою нишу –
Суета и ни зги не видать.
Говори, говори, я услышу
То, что ты так не хочешь сказать.

Хе-хе... искал приют-уют.

АУРА. Видишь, в нас была опора.

КУТЕПА. Страх. Вы им заполняли все ниши бытия. Лепили из него дело, надежду, радость...

АУРА. Радость из страха?

КУТЕПА. Высший пилотаж. Раз в месяц я обязан был приносить вам хоть какую-нибудь пакость. Сплетню, поклеп на человека, мысли которого разделяешь, ложное подозрение... Хуже, когда убеждение праведника... Унизительно ведь высматривать, выслушивать, высасывать из пальца обтекаемый факт только ради того, чтобы вы могли положить в папку листок и в аванс да получку получить... да не по гривне за пакость, а все блага мира! Это терзало...

АУРА. Где же тут радость?

КУТЕПА. Она являлась, когда после эдакой тактичной, с потугой на светскость, пытки я выходил на воздух. Прибивала теплая волна, эдакий душевный подъем. Я свободен до следующего визита! Я под защитой от больших

бед, от молоха! Огражден от произвола начальства и доносов братьев-сексотов, имя которым – легион! Целый месяц могу ненавидеть вас, даже анекдотец травить, поносить подслушивание телефонов и перлюстрацию писем. С меня стечет как с гуся вода, мол, болтал, чтобы втереться в среду диссидентов.

АУРА *(с горячным восторгом)*. Какая игра велась!

КУТЕПА. Какие ставки были!

АУРА. Карьера, достаток!

КУТЕПА. Душевное равновесие!

АУРА *(поднимает рюмку)*. За утраченное прошлое!

КУТЕПА. За мир – театр, людей – актеров!

(Высвечивается явочная квартира. АУРИКА и КОЛЯ КУТЕПА. Они в зимней одежде. На ней меховой жилет, брюки в обтяжку, мохнатые сапожки. На нем куцее пальтишко, непомерный свитер, мятые брюки. Раздеваются, дуют в горсти.)

АУРИКА. С возвращением!

КОЛЯ. Спасибо!

АУРИКА. Ну, как зимний санаторий?

КОЛЯ. Недостроенный замок княгини Щербатовой. Недостроенный потому, что княгине наворожили: положишь последний камень – умрешь.

АУРИКА. Душа и тело отдыхали?

КОЛЯ. Если бы не помнили о ваших напутствиях.

АУРИКА. И как контингент?

КОЛЯ. Ветераны сохи и подойника. Большерукие, согбенные, увечные. Привезли с собой ароматы фермы и тракторного стана. Дамы под стать кавалерам. Плюшевые курточки, кирзовые сапоги. В роскошном холле под пальмой собьются в комок и поют:

(Поет.)

Хороша я, хороша,
Да плохо одета,
Никто замуж не берет
Девушку за это.

АУРИКА. Ба, да ты при голосе!

КОЛЯ (*продолжает свое*). Механизаторы из тех, что не доживают до пенсии из-за перегрузок мышечных и заворотничих. Один такой за моим столом все гнусавил да приставал к официантке. Та его урезонивала: «Я знаю, чего тебе надо. Сто граммов и кончить!»... Экзотическая, но не подходящая среда.

АУРИКА. Неподходящей среды не бывает. Всякая среда питательна.

КОЛЯ. Впитывал охи да вздохи. Разделял радости, мол, хоть перед смертью в раю побывали. Не надо вставать со вторыми петухами и тащиться на ферму в навоз да мороз. Никто не выматерит! Слава Богу! Единственный демарш – благодарили не партию, а Бога. Но это не переделаешь, не переможешь!

АУРИКА. Так-таки не на кого было глаз положить?

КОЛЯ. Набрел на одну на отшибе. Прическа с фиолетовым отливом, голубое, в пупырышках, пальтецо. Сидела на корточках у пихты и мизинцем чертила семь цифр на свежем насте. Свой городской телефон.

АУРИКА. Оттачиваем наблюдательность?

КОЛЯ. Вашими стараниями.

АУРИКА. Познакомились?

КОЛЯ. Куда денешься! Санаторий ведь.

АУРИКА. Интересна?

КОЛЯ. Врачиха. Заведующая отделением даже – в свои неполные тридцать три года.

АУРИКА. Подробности?

КОЛЯ (*принужденно*). Долго скрывала, что разводная. Ушла от молодого отставника, пьяницы и импотента. Растит дочь, пятиклассницу.

АУРИКА. Мнения?

КОЛЯ. Об офицерах – самые невыгодные: бездельники, пьяницы, бабники. Старшины – несунуны, рядовые – вызывают сострадание...

АУРИКА. Детали?

КОЛЯ. Интимные, что ли?

АУРИКА. Если ничего не лежит на поверхности, перетряхни простынки.

КОЛЯ. Непривычная сфера для меня...

АУРИКА. Тем острее впечатления.

КОЛЯ. Сделали первое признание и – прорвало. Пошла за мною в номер. Опрокинула на меня море девичьей и, вместе с тем, материнской нежности. «Я знала, что мое от меня не уйдет! Не насовсем – на такое счастье я не покушаюсь! – Не надолго, но мое!»

АУРИКА. Гражданка явно долго постилась.

КОЛЯ (*глубоко*). А каково было мне? Забывшему свое мужское звание, смирившемуся с ролью старого холостяка?! Мне, мимо которого женщины проходят, как мимо телеграфного столба?!

АУРИКА. О своих переживаниях как-нибудь на досуге. Их в дело не впишешь. Поступки, реплики.

КОЛЯ. Что за поступки, что за реплики в подобных ситуациях?!

АУРИКА. Самые сокровенные. В экстазе женщину тянет к исповеди.

КОЛЯ. Да?

АУРИКА. Да!

КОЛЯ. У вас тоже изучают психологию?

АУРИКА. Кока! Не корчь из себя наивнячка.

КОЛЯ. Однако я не поп, она не прихожанка...

АУРИКА. По ситуации ты был архиереем. Потому – не лги. И без комплексов. Расслабься! (*АУРИКА подсовывает бумагу. КОЛЯ садится к столу.*) Улов у тебя небогатый. Однако! Здесь должно быть что-то написано. И непустяшное. Не принуждай меня повторяться.

КОЛЯ. Непустяшного не было. Заурядное курортное знакомство. Адюльтерчик. Переигравшие страсти.

АУРИКА. Были свидания, были прощания...

КОЛЯ (*холодея*). Прощание? Стоим за спиной моего автобуса. Она в метре... Жар чую... Говорит – стрелы мечет. «Боже, как заурядно стоим! А через месяц, через год и десять лет, у себя в Киеве, в темной спальне или на тихом дежурстве – чего бы я не отдала, чтобы вот так выйти на мороз и постоять... в метре от тебя!» На ресницах застывали капли...

АУРИКА. Это прощание. А прогулки до того?

КОЛЯ. Вы проницательны... относительно исповеди. Вечерами она вела меня к заколоченной церквушке.

АУРИКА. Это уже теплее, теплее.

КОЛЯ. В треснувших витражах отблески фонарей, как лампы...

АУРИКА. И что она говорила на паперти?

КОЛЯ. Я могу хранить хотя бы чужую тайну?

АУРИКА. Говорилось тебе, значит, тайна – твоя. А твоя, в равной степени, – моя.

КОЛЯ. Говорила о длительной болезни дочери... самое сокровенное. О бессилии медицины. О том, что спасло дочь только крещение.

АУРИКА. Горячо!

КОЛЯ. В семилетнем возрасте свезли дочку в глухое село, на дом к священнику. Дитя стало выздоравливать

прямо в купели. Измученная и воспрянувшая духом мать сама подставила свой лоб под мирро и окропление... Сокровенное...

АУРИКА *(с победной иронией)*. Завотделением! Коммунистка! Имя?

КОЛЯ. Матери?

АУРИКА. Дочери партия не предоставляла работу в столице. И не давала жилье.

(Пауза.)

КОЛЯ. Это была моя первая женщина. Алла Константиновна Косенко.

АУРИКА. Семизначный телефон запомнил? *(КОЛЯ заторможенно шарит по карманам.)* Запоминают не карманами.

КОЛЯ. Запомнил.

АУРИКА. Принимайся за перо.

КОЛЯ. Достойно ли все это вашего внимания?

АУРИКА. Не «вашего», а «нашего»: с паршивой овцы хоть шерсти клок.

(КОЛЯ поправляет бумагу, вертит авторучкой.)

КОЛЯ. Можно начать нестандартно? «С чувством признательности за любовь женщины источник сообщает»...

АУРИКА *(глянув на часы)*. Не паясничай!

КОЛЯ. На подходе следующий рыцарь?

АУРИКА. Не выпрыгивай из рамок!

(Пауза.)

КОЛЯ. Не склеится у меня.

(Пауза.)

АУРИКА. Я продиктую. Тыкался в нее, как кутенок в чрево матери... Она меня наставляла...

КОЛЯ. Это была моя первая женщина. Я тыкался в нее, как кутенок в чрево матери... Она меня наставляла...

АУРИКА. Видно, судьба такая, чтобы тебя наставляли женщины. И все же отбросим сопутствующие моменты.

КОЛЯ. Она знает, что я единственный, кто посвящен в тайну ее крещения.

АУРИКА. Я, кажется, повторяюсь, но... Тайна – это когда знает один. Знают двое – это уже гласность.

КОЛЯ. Узнают в ее лечебнице – узнают и в моей конторе. Я засвечусь.

АУРИКА. Слишком далеко заглядываешь. Это наша забота.

КОЛЯ. Я не смогу быть вам полезным.

АУРИКА. Не тебе судить.

(Пауза.)

КОЛЯ. Вас не подташнивает?..

АУРИКА. Не меня должно подташнивать... А тебя!

КОЛЯ. Разумеется... И не теперь... А значительно раньше. Вначале.

(Снова гостиная. АУРА и КУТЕПА с рюмками.)

АУРА. Что же ты остановился?

КУТЕПА. Боюсь перебора.

АУРА. Наблюдаются рецидивы?

КУТЕПА. Кататоником стал.

*(КУТЕПА демонстрирует подергивание мышц лица.
Смеются.)*

АУРА. Наговариваешь на себя.

КУТЕПА. Случается.

АУРА (*поднимает рюмку*). Однако – за прошлое!

КУТЕПА (*горько*). За реку, имевшую прочные берега, за легенду, удерживавшую в узде поколения!

(Пауза. АУРА оставляет коньяк, уходит из-за стола.)

АУРА. Теперь ты можешь говорить все, что думаешь... А я тебе скажу то, что я знаю. У нас была страна вольнодумцев. И чтобы им, всем скопом, не дать разложить нашу систему, мы разлагали их – каждого в отдельности. Слежка, подслушивание и перлюстрация, армия сексотов – это инструмент, внешний атрибут дела. Мы все такое держали в такой тайне, чтобы про нее знал всякий и каждый, да побольше, да с плюсиком. Знал и боялся. А вот того, чем мы занимались не понарошку, не постигали даже многие наши высшие чины. Исполнители и подавно. Почти каждого способного мыслить мы подлавливали на мелком проступке – кто в миру не грешен! – припугивали одного, задабривали другого и привлекали к неблагоприятному сотрудничеству. Он выслуживался, капая на ближнего, оставляя материальные следы. А рыльце его тем временем покрывалось пушком, серденько наживало нравственный, а порой и физический порок. Мы так хранили тайну его бытия, что она становилась явью. Он исподволь понимал это. И то, что он падал в глазах окружающих, – не главное. Нам бы еще десять лет – и не было бы глаз, в которых можно было бы упасть! Главное – его падение в собственных глазах! Заповеди исхода живут в каждом мимо его воли. И каждого мы приводили к их предательству. К осознанию, что он подлец, мразь, пешка в чужих руках. Что без пакостей ему не прожить, не прокормиться. Доводили особь до эдакой кондиции и – в нако-

питель. И жили. И даже теперь, когда черт знает откуда и по чьему мановению свалилась гласность и демократия, мы неприкасаемы. И при деле, и на покое. Нас не трогают, потому что трогать придется тронутым! Потому – пей со мной. И уважай, как уважал раньше!

(У АУРЫ дрожат руки. Едва выпив, она роняет рюмку.)

КУТЕПА. Если бы разбилась, было бы к счастью.

АУРА. Мне нельзя волноваться... Предлагают закодироваться...

КУТЕПА *(указывая на спиртное)*. От этого?

АУРА. От воспоминаний.

КУТЕПА. Не вспоминайте. Вы же на покое.

АУРА. Только вчера подала рапорт.

КУТЕПА. Что-то не догоняю. Да ладно.

АУРА. И не догонишь. Верь на слово.

КУТЕПА *(пьет)*. Поди, старший офицер?

АУРА. Полковник.

КУТЕПА. Начинаю бояться.

АУРА *(расслабленно)*. Полковник, владелец хоромов в престижном районе и загородного имения... Полковник, от которого эмигрировали дети, отвернулись друзья семьи, которые, на поверку, оказались друзьями должности. И не моей, а мужа – генерала... *(АУРА по-бабьи всхлипывает.)* Такой меня не видел? Теперь часто... Нет той самой узды, сняла портупею и – всего лишь баба.

КУТЕПА. Выходит, у меня лучше. Я ничего не имел и терять нечего.

АУРА. Кроме одиночества.

КУТЕПА. Одиночество – великолепная вещь...

АУРА. ...если есть кто-нибудь, кому можно сказать, что одиночество – великолепная вещь... Начитаны.

КУТЕПА. Кроме того, я не одинок.

АУРА. Знаю.

КУТЕПА. Информация поступает по прежним каналам?

АУРА. Все по-прежнему. Вывески перекрашены, люди на местах...

КУТЕПА. Так отставка же!

АУРА. Свой круг. Даже в отставке остаемся при лямках. Вон секретарь облисполкома изгнан с треском, сидит дома. А начальнички станции и дистанции, банка и баньки, комунхоза и колхоза – в свое время расставлены им. Теперь мы звоним отставному секретарю исполкома, он – начальничкам, и – все течет, все не меняется...

(Пауза.)

КУТЕПА. И пенсия с выслугой?

АУРА. Законы писаны не про вас.

КУТЕПА. И благоприобретения неприкосновенны?

АУРА. Про меня мне все известно. Но как тебя угораздило жениться? В молодости обходился, двадцать, даже десять лет назад – холостяк. И вдруг! Почему не вовремя?

КУТЕПА. Вовремя я не уважал себя. Если себя не любишь, кто же тебя полюбит?

АУРА. А теперь выпрямило?

КУТЕПА. Не заметно?

АУРА. Невооруженным глазом – не слишком. Те же застиранные воротнички, та же, скажем так, подтянутость в теле.

КУТЕПА. Земных благ на всех не хватает.

(Пауза.)

АУРА. Она посвящена в извилины твоей биографии?

КУТЕПА. Не вникает. Принимает меня де-факто.

АУРА. Одноклеточная?

КУТЕПА (*осторожно*). Я могу серьезно обидеться.

АУРА (*изумленно*). Не буду.

КУТЕПА. У нее своего прошлого с избытком. Обихаживала, ублажала моряков между рейсами. Двадцать один раз надеялась и обманывалась. Ходила под выюками в Польшу-Турцию. Взятки инвалютой и натурой, аборты, жизнь по лжи... утратишь веру в добро.

АУРА (*с издевкой*). Зато теперь!

КУТЕПА. Три года одна и та же фигура перед глазами. То с сумками с рынка, то в фартуке у газпечки.

АУРА (*с большей издевкой*). И это то, что она искала всю жизнь!

КУТЕПА. По тихой радости – похоже.

АУРА. Она обихаживала моряков между рейсами, теперь ее обихаживаешь ты – на покое!

КУТЕПА. В этом мире сколько у человека отнимается, столько же ему и дается.

АУРА. Я знаю одного, у которого в этом мире отнимается и отнимается. И прозвище у него подходящее – Кутепа.

КУТЕПА. Мы же не о присутствующих.

АУРА (*горько*). Кутепа – и дальше ходить некуда! Если когда-нибудь и вправду возьмутся восстанавливать справедливость, то начинать надо с Кутеп! (*Пересаживается на диван.*) Иди сюда. Садись рядом. (*КУТЕПА послушно подсаживается.*) Кока, ты любишь свою жену?

КУТЕПА (*смущенно*). Можно вопрос так не ставить?

АУРА. Я понимаю, не слишком бон тон говорить с посторонним о супруге. Но мы не совсем посторонние. Она, видно, такая – вся из себя?!

КУТЕПА. Маленькая, болезненная, смирившаяся...

АУРА (*с нервом*). Тебя любит?

КУТЕПА. Я так вопрос не ставил...

АУРА. Со стороны не определишь. (*Зло.*) Кормишь, обхаживаешь ты! В постели она как?

КУТЕПА. Я привык к лишениям.

АУРА. И тут лишения!

КУТЕПА (*толково*). Ее отвратило задолго до меня. И потом, ей особенно нельзя: брюки через голову бросишь – беременна...

АУРА (*вскрикивает и отходит*). Схороните меня живой! Ни поесть, ни повеселиться, ни трахнуть! Смысл? Смысл жизни в чем?

КУТЕПА. Григорий Сковорода, Лев Толстой – не знали. Где уж нам!

(АУРА хватает разные предметы, готова бросить.)

АУРА. Ты дурак! И лжец! Ты корчишь из себя святошу! И дурочку нашел – верит. Две дурочки! Она и я. Уши у нас устроены – под лапшу! Врешь! Так не бывает. И таких не бывает! Нет таких колодок, на которых тачают Кутеп!! Столетия трудились, чтобы не было!

(Резко меняется освещение. Явочная квартира.

АУРИКА в манящем платье, искусительна.

КОЛЯ КУТЕПА потрясен.)

КОЛЯ. Се-сегодня вы пре-превосходите самое себя!

АУРИКА. И по весьма грустному поводу.

КОЛЯ. Не пугайте зря.

АУРИКА. Отнюдь. Сегодня наше последнее свидание.

КОЛЯ (*осевшим голосом*). У вас отпуск?

АУРИКА. У меня перевод по службе. С повышением.

(Пауза.)

КОЛЯ. Можно осмыслить?

АУРИКА. Наше дело не осмысливать, а исполнять.

(Пауза.)

КОЛЯ. Изменение в вашей штатной службе косвенным образом коснется моей нештатности?

АУРИКА. Прямо коснется. Прямо.

КОЛЯ (*осторожно*). У вас принято спрашивать согласия?

АУРИКА. У нас... согласие нижестоящих само собой разумеется.

КОЛЯ. Деликатно и понятно. Перемена в судьбе смерда не зависит от воли смерда.

(Пауза.)

АУРИКА. У тебя останется все то же. Только лицо через стол будет несколько другое.

КОЛЯ. Чувствительно другое... Хотя бы того же пола?

АУРИКА. Кутепа! Женщина в нашем деле – явление уникальное! Как на боевом корабле. Одиозное!

КОЛЯ. И только через волосатую руку.

АУРИКА (*кокетливо*). Женщин посылают только к редким везунчикам.

(Пауза.)

КОЛЯ. Женщина ли, мужчина ли – был бы человек хороший...

АУРИКА (*морщась*). Миша-газовик. Сорок два года, а он все в старлеях ходит.

КОЛЯ. В миру полагают, что деградирует только армия.

АУРИКА. Мы пытаемся не отставать.

(Пауза.)

КОЛЯ. Итак, в городе будем видеться редко, случайно и только шапочно?

АУРИКА. И шапочно не удастся.

КОЛЯ. Не по артикулу? Или конный пешему не товарищ?

АУРИКА. Мой перевод семейный. И связан с выездом.

КОЛЯ. Не смуглым ли в помощь?

АУРИКА. Напротив, к весьма белым. Однако прерогатива задавать вопросы до сегодня принадлежала не тебе.

КОЛЯ. Случай ведь – из ряда вон...

АУРИКА. Из ряда вон. Но у нас времени только на организационный вопрос.

КОЛЯ. На подходе старший лейтенант Миша, сорока двух лет от роду?

АУРИКА. У старшего лейтенанта Миши другая явочная квартира. Туда я тебя завтра передам. Сегодня – последние слова тет-а-тет. Все-таки неполных четыре года...

КОЛЯ. Тронут. Не предвидел, пришел без флакона. На посошок бы, на удачу в вашем кропотливом деле.

АУРИКА. В «нашем кропотливом деле»! В нашем! *(Достает из бара коньяк.)* Предусмотрено не нами.

КОЛЯ. Армянский? Чувствую себя выделенным судьбой. Для вас не крепок будет?

(АУРИКА достает одну рюмку.)

АУРИКА. А для тебя?

КОЛЯ. Простите, я упустил из виду, что вы на работе.

АУРИКА. Наша работа порой открывает широкие возможности. *(Наливает ему, подает. Он, вздохнув, берет.)* Ну-ну, покажи себя в деле.

КОЛЯ. Оставайтесь всегда такой...

АУРИКА. Ты – тоже.

(Он пьет. Пауза. Она подносит вторую. Он пьет.)

КОЛЯ. «Боже, как заурядно стоим! А через месяц, через год и десять лет, в темной спальне или на тихом дежурстве – чего бы я не отдал, чтобы вот так постоять... в метре...»

АУРИКА. Ты способен ждать?

(Пауза. КОЛЯ КУТЕПА холодеет.)

КОЛЯ. Так ждать, чтоб даже память вымерла,
Чтоб был непроходимым день,
Чтоб умирать при милом имени
И догонять чужую тень,
Чтоб пальцы невзначай не хрустнули,
Чтоб вздох и тот зажать в руке,
Чтоб даже мертвым я почувствовал
Твое дыханье на щеке...

(Пауза.)

АУРИКА. Принимаю как прощальный адрес.

КОЛЯ. Простите, если и это не моя прерогатива.

АУРИКА. Чего там! В рифму. Только не хотелось бы, чтобы все это так, запростячка. Сегодня услышал, сегодня и ляпнул...

КОЛЯ. Услышал не сегодня, а ляпы вообще не в моих правилах. Выношено. Почти четыре года... всякий зво-

нок... всегда жуткий для меня, потому что из чуждой жизни и вместе с тем от вас... Потому, что вы – в той жизни. Я был раздвоен, расстроен, расчленен, распят! Шел черт его знает с чем, черт его знает на что шел... За свидание с вами платил отступничеством... Угрызения совести не унимались... Оправдание чувством к вам уже не помогало... Потерян – и все тут...

(Пауза.)

АУРИКА. А ты не совсем обычный парень. В какую грязь тебя ни сунь, ты и там смотришься не до доньшка измаранным. И страхи твои с оговорками, и отступничество, как у Юлиана Мережковского: «Отчего такая грусть в природе? Чем она прекраснее, тем грустнее.»

(Она наполняет рюмку, протягивает ему.)

КОЛЯ. С барского плеча – соглядатаю.

(С вызовом пьет.)

АУРИКА. Тебе не повезло. Обычно такие тихони трудно раскалываются. А тебя занесло. И не потребовалось чрезвычайных мер. Ни насилия, ни обольщения... Когда от меня потребовали тебя, я приготовилась к самому крайнему... И к уступкам... Ты допустил промаху.

КОЛЯ. Я промахиваюсь, даже когда попадаю.

АУРИКА. *(Медленно наполняет рюмку. Пьет сама.)* Наверное, было бы справедливо, если бы ты свою долю получил. *(Пауза.)* Но мне трудно переступить через себя. *(Пауза.)* Мы кормимся от стукачей... но презираем их до тошноты. *(Как бы безотносительно к разговору распуска-*

ет пояс на тонком платье.) Особенное омерзение вызывают рьяные, те, что на повешение бегут со своей веревкой... Ты скорее строптивый. Раздвоен, расстроен, распят, но себя оказываешь. Ты – странный. *(Едва заметным движением снимает туфли.)* Твой растоптанный гонор вызывает чувство вины даже у меня. *(Она распускает волосы, собирает в пучок. КОЛЯ КУТЕПА медленно приближается. На полдороги останавливается. Приближается почти вплотную. Она оборачивается. Изучающе смотрит. Взвешивает. Отворачивается.)* Через час вечорка. По случаю присвоения супругу генеральского звания... и перевода на первую должность... к белым. *(Пауза.)* Я должна переодеться. Званный ужин... и все такое.

КОЛЯ. Ради Бога!..

(В сноп света АУРИКА изгаляется над чувствами мужчины. Раздевается. КОЛЯ смотрит. В груди бьются рыдания. Голая, она идет к нему. Он падает без чувств. Темно. Высвечивается гостиная.)

АУРА. Твой брак зарегистрирован?

КУТЕПА. Нет.

АУРА. Ты можешь оставить свою... жену?

КУТЕПА. Ее оставляли двадцать один раз. Двадцать два – будет перебор.

АУРА. Она способна на истерику?

КУТЕПА. Она спросит: за что?

АУРА. Ты слишком чуток к словам.

КУТЕПА. Это другие – не чутки к словам.

АУРА. А ты не думаешь, что такой вопрос не придет ей в голову?

КУТЕПА. Достаточно того, что такой вопрос пришел мне в голову.

АУРА. Ты стал несколько другим...
КУТЕПА. Седым, подержанным...
АУРА. И все же остался прежним...
КУТЕПА. ...прибитым пыльным мешком. Из-за угла.
АУРА. Я бы с тобой очень дружила.
КУТЕПА. Спасибо.
АУРА. И только?
КУТЕПА. Большое спасибо!
АУРА. И все?
КУТЕПА. А что я могу еще?

(Пауза.)

АУРА. Ты можешь помочь мне... восстановить справедливость.

(Пауза.)

КУТЕПА. Справедливость надо застать в миру при рождении. Порушить ее несложно, восстановить справедливость еще никому не удавалось.

АУРА. Мне удастся! *(горячо)* По отношению к тебе, во всяком случае.

КУТЕПА. Я не избалован особым отношением. И избегаю его.

АУРА *(зажигается больше)*. Ты только не мешай мне. У меня превосходная идея. А у тебя – широкий выбор! *(Выбегает на середину гостиной.)* Не покидая этих стен, ты из гостя превращаешься в совладельца. Подписываем договор – это принято – и заверяем у нотариуса.

КУТЕПА *(принимая за шутку)*. Скоро и спору!

(АУРА шагает по гостиной, как бы меряя.)

АУРА. Гостиная – пополам!

КУТЕПА (*подыгрывая затее*). И ковры, и бар, и люстра!

(*АУРА скрывается в левой двери.*)

АУРА (*из глубины*). Столовая!..

КУТЕПА (*вслед ей*). С югославской печкой, микроволновкой, с румынской кухней...

АУРА (*появляясь, с азартом*). Печка микроволновая есть. А столовая – буковинская, персональный заказ! На двоих! (*Скрывается в правой двери. Из глубины.*) Спальня!..

КУТЕПА. С дубовой кроватью под пологом, с фарфоровым ночником...

АУРА (*из глубины*). С двумя ночниками, электромассажером, шведской стенкой...

КУТЕПА. С Шахерезадой и тысяча одной ночью!

АУРА (*появляется, запыхавшись*). И еще много с чем – на двоих! (*Скрывается в средней двери.*) Кабинет генерала!

КУТЕПА. Со столом-стадионом!

АУРА (*из глубины*). Гардероб!..

КУТЕПА. С мундирами, эполетами, лампасами, именным оружием и секретными телефонами...

АУРА. ...«панасониками», «ремингтонами» – со всей начинкой!

(*Выскакивает, почти ликуя.*)

КУТЕПА (*переигрывая*). Ванные?

АУРА. По одной на душу!

КУТЕПА. Взносы в семейный бюджет?

АУРА. Оговорим в контракте даже карманные расходы! (*Пауза.*) Ладно?

КУТЕПА. Ладно, хоть и нескладно.

АУРА. Два вопросительных знака?

КУТЕПА (*самоиронично*). Представляю себя в мундире и при регалиях. Ушивать придется... И в апартаментах! Не вид, а стыд!

АУРА. Смешно?

КУТЕПА. Скорее грустно. (*Замирают друг против друга.*) Ненавидел, боялся... сломили, подмяли... служил худшему из пороков. Замазан до последнего своего дня... И вдруг – воздаяние. Из тех же рук... Надо переступить через себя... (*Пауза.*) Мало вам комфорта и пряностей? Для услаждения души вам подай мученика! Да такого, чтобы чувствовал!

(*Пауза.*)

АУРА (*с упреком и болью*). Кутепа!..

КУТЕПА. Молчу, молчу...

(*Пауза.*)

АУРА. Да нет, говори. (*Пауза.*) Я могу сказать побольнее... Мое... Днем еще куда ни шло: коньяк, книжки, на стреме у дверного глазка и телефона... из окна мятые фигуры, из-за гардины... Но приходит ночь. Сна ни в одном глазу. Шорохи из темных углов, шаги за двойной дверью. Эти хоромы видятся склепом, кофе цикуттой, ядовитым вехом, всякая мысль – последней... Мокрое полотенце, пилюли, пилюли... медитация. Пока шепчу мантру, дышать можно, кончаю – исчезает воздух. Когда выходила еще наружу – сдавала анализы. Норма. Теперь не ищу врачей, они меня ищут. Хотят закодировать. Не от дрожи в конечностях, не от спиртного и курения... От самое себя.

А разве такое возможно? От смерти мужа, которого убрали свои?.. От бегства детей за тридевять земель... бегства от нас... от меня?! *(Пауза.)* Кока, я никому не открываю. Боюсь снять трубку. Я слишком знаю, на что способны соратники и выученики моего покойного... *(Пауза.)* Но все возвращается на круги своя... Почитываю...

(Кутепа робеет, отступает, цепляет пылесос.)

КУТЕПА. Простите, неуклюжий...

АУРА. Думаешь, я и вправду сегодня собиралась пылесосить? Сто лет и три года пылесос валяется здесь. *(Пауза.)* Кока, ты не торопишься?

КУТЕПА. Не знаю... Пора и честь знать...

АУРА. Ты помнишь?.. У тебя роскошная память... я знаю... Помнишь все... Вот фотографии... Такую, да?.. И все прошлое?.. Ты придешь... Ты знаешь, ничего не исчезает насовсем... Мы еще пригодимся... И вы, законопослушные, робкие... Ты придешь?

КУТЕПА *(отступая)*. Выберу время... Чего же...

(В облике АУРЫ что-то меняется. Она – в прошлом.)

АУРА. В понедельник. В двадцать ноль-ноль. *(Лихорадочно.)* Два длинных звонка и короткий, потом снова длинный. И встань так, чтобы я видела лицо. В глазок. Понял? Ты понятливый... *(В спешке.)* Повтори!

КУТЕПА. В понедельник. В двадцать ноль-ноль...

АУРА *(подсказывает)*. Два дли...

КУТЕПА *(перенимая ее дрожь и поспешность)*. Два длинных звонка, один короткий и снова длинный...

АУРА. И постоять в двух метрах...

КУТЕПА. ...так, чтобы видно было мое лицо.

(Пауза. АУРА берет КУТЕПУ за плечи.)

АУРА *(в трансе)*. Кутепа... Коля... Кока... лучше, чтобы ты догадался без наводящих... да? да?

КУТЕПА *(поддаваясь ее состоянию)*. У нас все так давно и сложно...

АУРА. Но ты понимаешь... дружище... друг... дружок...

КУТЕПА. В общем-то... прийти...

АУРА. ...не с пустыми руками... вернее, не пустой... как было тридцать лет назад...

(Пауза. В отчаянии АУРА целует КУТЕПУ.)

...все будет как было... как было и по-другому... Понедельник, двадцать ноль-ноль, в двух метрах от дверного глазка... *(АУРА молниеносно заглядывает в глазок, открывает замки, толкает дверь, обнимая, выставляет за порог КУТЕПУ, запирает замки. Вздыхает, потирает руки, марширует по гостиной. Ликуя, поет.)*

Эй, музыканты, сил не жалейте,
Радость до края в сердце налейте!
Пусть подпоет нам старый наш маршал,
Он ведь ровесник старого марша!
Там-тар-там-тара-ра-ра-ра-ра-там!
Там-тар-ра-ра-ра-ра-ра-ра-там!!

ТЕМНО